

УДК 811: 002. 703.0

DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-30-40

Ирина Викторовна Ерофеева¹,

*доктор филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: irina-jour@yandex.ru
orcid: 0000-0001-5653-2792*

Владимир Николаевич Бочарников²,

*доктор биологических наук, профессор,
Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения Российской академии наук
(690041, Россия, г. Владивосток, ул. Радио, 7),
e-mail: vbocharnikov@mail.ru
orcid: 0000-0002-6574-7864*

Собака как гештальт в языковой картине мира охотника: дискурс специализированных журналов

Охотничьи журналы редко становятся объектом научного интереса, тем не менее, у данного контента многочисленная целевая аудитория и социально значимое концептуальное содержание. В статье на основе лингвокультурологического анализа дискурса специализированных журналов об охоте реконструируется когнитивная модель целостного образа *собаки* в языковой картине мира охотника. Анализ проведён с учётом информационной политики издания, с использованием объёмного эмпирического материала (более 600 номеров охотничьих журналов с 2006 – по 2018 г.), приоритетными выступают текстовые блоки, в которых репрезентированы мнения охотников и владельцев о природе и собаке. Гештальт *собака* является ключевым (ядерным) в совокупности представлений охотников о бытии, объективированных в языке и определяющих специфику восприятия и устройства мира в данной социальной среде. Моделирование целостного образа *собака* осуществлялось в процессе выявления и осмысления наиболее частотных текстообразующих категорий: тема и коммуникативные задачи материала, ассоциативно-смысловые поля ключевых слов, лексическая макроструктура текста, в том числе специфика лексико-фразеологического поля, стереотипные образы, с помощью которых организуется знание и опыт охотника. Языковая картина мира охотника представляет собой преимущественно некую иерархию ценностей, которая отражает единые культурно значимые для её носителей убеждения, идеалы, склонности и интересы. Образ собаки конструируется за счёт символических признаков: «собака – зеркало личности охотника»; «собака как соратник и друг», а также понятийных: «умная и трудолюбивая»; «обладатель обострённого восприятия мира»; «яростный и увлечённый охотник».

Ключевые слова: гештальт *собака*, языковая картина мира охотника, медиадискурс, когнитивное моделирование, когнитивная лингвистика

Введение. Специализированные журналы об охоте – контент со своими особенностями и профессиональной терминологией. К сожалению, научных исследований по данному дискурсу практически нет. И это несмотря на многочисленную целевую аудиторию подобных журналов и порой масштабное концептуальное содержание контента, демонстрирующее не только спектр интересов и ценностей жителей России, социальные приоритеты государства, но и эффективные технологии воздействия и воспитания граждан.

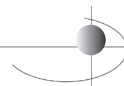
В своих исследованиях мы отталкиваемся от классических положений современной когнитивной лингвистики [14; 18–20]. Язык является главным инструментом организации,

моделирования и репрезентации физической реальности людей; он включает в себя не только осязаемый человеком мир, но и выводит за его пределы, способствует движению через мыслительную деятельность в тайну, к тому трансцендентному содержанию, которое часто не может быть однозначно передано в словах человека [2].

Вся наша жизнь есть «пульсация памяти, обращённая в текст», богатый инструментарий языковых возможностей Homo Sapiens преобразует мир в непрерывный дискурс, в котором всё уже когда-то было сказано. В пространстве текста язык концептуализирует действительность, с одной стороны, он отражает некие универсальные реалии,

¹ И. В. Ерофеева – основной автор, осуществляла сбор, анализ материала исследования и написание статьи.

² В. Н. Бочарников – осуществлял сбор, анализ и систематизацию материала исследования.

с другой – национально окрашивает предлагаемую в текстовой канве реальность. В современном информационном обществе наиболее востребованным выступает медиатекст как ключевой формат конструирования картины мира потребителя массмедиа. Условием успешной деятельности СМИ является коллективный интерес целевой аудитории, который возможно интерпретировать как эмоционально-волевое сосредоточение внимания на определённом событии, предмете или явлении. Факторы интереса определяют жизнеспособность структур по производству и распространению массовой информации, обуславливают их включённость в социокультурную действительность, экономическую и финансовую системы. Охотничьи журналы являются зеркалом определённого спектра интересов и хобби многих людей, сосредоточием острого тематического поля проблем экологии, охотничьего хозяйства, рыболовства, природопользования и законодательства в данных сферах.

Методология и методы исследования. Несомненно, каждый авторский медиатекст обладает самобытностью, наполняется энергией творчества его создателя, формирует новую реальность согласно авторской воле, включает личностный опыт, эмоции и пристрастия создателя. Языковая личность автора медиатекста определённым образом структурирует действительность, вычленяет, селекционирует атрибуты реальности, ориентируясь как на субъективное видение и оригинальность восприятия, так и на сложившуюся в социуме национальную модель мира. Национальные предпочтения аксиологичны по своей природе, они подразумевают трансляцию духовных и морально-этических ценностей в системе понятийных схем и вербализованных представлений-оценок о собственном «Я» и окружающем мире. Тем не менее, ментальность – трудноуловимая материя. Н. Бердяев писал, что «национальность – таинственна, мистична, иррационально, как и всякое индивидуальное бытие» [1, с. 96].

В медиатексте основной единицей презентации ценностей и смыслов мира выступает концепт – текстовая «строительная единица», некая универсальная идея, конструкт миропостижения и алгоритм формирования картины мира человека. Концепт в совокупности с его ассоциативными связями входит в ядро лексической системы языка, позволяет хранить, накапливать и оперировать информацией о важных категориях

человеческого бытия. Концепт медиатекста репрезентирует фрагменты многого опыта, сознательного и бессознательного характера. В дискурсе СМИ концепт, в силу специфики медиатекста, его яркой фундаментальной образной системы, трансформируется в гештальт – целостный образ, совмещающий чувственные и рациональные элементы и воспроизводящий смысловую схему концепта. Гештальт упорядочивает бытийные представления в сознании автора медиатекста и его потребителя в виде многоуровневого единого образа. Гештальт активно репрезентируется с помощью своеобразия лексического потенциала, ассоциативных рядов и монтажно-композиционных элементов текста.

Гештальт ресурсами целостного образа сближает автора и человека, воспринимающего текст. «И верить, что слово способно коснуться», – с этих слов начинается свою публикацию Ирина Булюбаш о специфике анализа языка в гештальт-терапии [4, с. 5]. Психотерапия – это, прежде всего, умение воспринимать всё то, что происходит в контакте с Другим, этот формат общения требует особенного направленного внимания по отношению к Другому. Гештальт реальности в пространстве медиатекста ориентирован на выделение фигуры из фона, что обеспечивает крайне высокий уровень понимания и осознания, результирующий процессы рефлексии и мышления. Включается личностное переживание во множестве «рецепторных переливов» восприятия и ощущения, именно на чувственной основе генерируются смыслы, которые бывают лишены логики рационализма. В этой связи гештальт-подход принципиально феноменологичен и сфокусирован на фактах переживания мира, где язык неотделим от жизни. Знаменательно, что базовым понятием и нередко целью работы гештальт-терапевта является клиентское достижение «включённого» проживания, переживания, осознания (awareness).

Сознание человека, будучи антропоцентрическим по своей природе, воспринимает и упорядочивает окружающие реалии в рамках пространственно-временных отношений и в парадигме соотнесения с природой и животным миром, со всем тем, что обладает качественными, динамическими и ценностными свойствами. Представители разных языков и культур оценивают и видят мир через призму своей национальной картины мира. Одним из универсальных с национальной спецификой концептом является «собака». Домашнее животное семейства псовых, родственное вол-

ку, животное, бывшее когда-то диким, а затем прирученное человеком для охраны, охоты и душевного общения. Существо, по историческому праву являющееся помощником и другом, которое делает нас нередко живее, чем мы сами способны быть, отстраняясь от пульса самой жизни, замыкаясь в ежедневной рутине и проблемах.

Не случайно конструкт «пес (собака)» с течением времени преобразовался в архетип, в некие априорные врождённые формы интуиции человека, осадок психического опыта предыдущих поколений, прообраз которых символизирует верность и преданность, самоотдачу и службу, защиту и бдительность [17].

Целью данной статьи стал лингвокультурологический анализ дискурса специализированных журналов об охоте с целью реконструкции когнитивной модели гештальта *собака* в языковой картине мира охотника – «исторически сложившейся совокупности представлений о мире, отражённых в языке и обуславливающих способы восприятия и устройства мира» [5; 8; 11; 13; 15; 19].

В рамках принципов когнитивной лингвистики под медиадискурсом мы подразумеваем многоуровневое пространство репрезентации национальной картины мира языковой личности автора – создателя текста или генератора «речи в действии». На основе разнотипных оценочных материалов о собаке, опубликованных в журналах об охоте, моделируется гештальт *собака*, закреплённый в языковой картине мира охотника как некое сокращённое и упрощённое образное отражение всей суммы его знаний о значимой реальности.

В свою очередь моделирование есть графический способ представления смысловой информации текста, в котором отражены внутритекстовые связи его структурных компонентов [10]. Модель аккумулирует отдельное и общее, чувственное и логическое, внешнее и внутреннее. Моделирование целостного образа осуществляется на основе выявления и осмысления частотных текстообразующих категорий: тема и коммуникативные задачи материала, ассоциативно-смысловые поля ключевых слов, лексическая макроструктура текста, в том числе специфика лексико-фразеологического поля, стереотипные образы, с помощью которых организуется знание и опыт охотника.

Анализ осуществлён на основе большого массива российских охотничьих журналов (более 600 номеров с 2006 – по 2018 г.), в ко-

торых в различных контекстах используется образ собаки. Акцент делался на особенностях восприятия собаки опытными охотниками и владельцами. В поле внимания были тематические модусы текста, рассказы и повествования о весьма специфичной охотничьей среде.

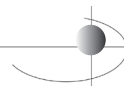
Рассматривались материалы нескольких журналов: «Охота и рыбалка XXI век», «Русский охотничий журнал», «Основной инстинкт», «Охота», «Сафари». В исследовании использованы также материалы охотничьего портала «Охотники.ру». Отметим, что в отдельных журналах действует специализированная рубрика: «Охотничьи собаки» («Охота и рыбалка XXI век»), «Охотничьи собаки», «Собачья жизнь» («Русский охотничий журнал»), «Собаки и охотники» («Охота») (рис. 1).

Рис. 1. Журналы об охоте и рыбалке

Fig. 1. Hunting and Fishing Magazines

Указанные журналы – СМИ с традиционной информационной политикой для подобного типа массмедиа. Так, ежемесячный журнал «Охота и рыбалка XXI век» позиционируется как «художественно-информационный иллюстрированный журнал для любителей разных охот». Главный редактор журнала – Павел Гусев, учредитель – ЗАО «Редакция газеты “Московский Комсомолец”». За весь период его существования не происходило резких перемен в редакционной политике, однако с 2013 года общий объём журнала со-

кратился почти на четверть по сравнению с выпусками нулевых лет.

Ежемесячный «Русский охотничий журнал» издаётся с 2012 года, однако, это результат ребрендинга и полной реконструкции издававшегося с 2007 года журнала «Основной инстинкт», а ещё ранее журнал унаследовал отдельные традиции журнала «Охота по всему миру» с последующим изменением редакционной политики и капитальной реструктуризацией тематического содержания. В настоящее время журнал позиционируется в боковой строчке обложки как «Охотники – за сохранение дикой природы». Главный редактор – Михайил Крейчмар, издатель – Алексей Гнедовский.

Как отмечают охотничьи журналы, в последнее время в России наблюдается массовое увлечение собаководством. Современный человек, уставший от стресса агрессивной цивилизации, крайне нуждается в общении с природой и животными, позволяющими почувствовать недостающих ощущений верности, надёжности и понимания. «Собака – это ниточка к живой природе», уже давно ставшей существом «первой необходимости», отмечает журнал «Охота» (2008. № 3). Человек начала XXI века пытается вернуться к истокам.

Н. И. Маругина подчёркивает, что «наличие в русском языке и многих других языковых картинах мира базовой метафоры “человек – это животное/зверь” говорит о том, что первоначально, в процессе становления этносообществ и развития их культур люди жили неустроенной, сходной со зверьми жизнью, поэтому осмысление мира человека осуществлялось главным образом через понятийную сферу животного мира» [13, с. 14].

В работах многочисленных исследователей (Б. А. Успенский, В. А. Маслова, Н. Д. Арутюнова, А. Е. Бильдиян, З. В. Белкина, О. Н. Трубачева и др.) указывается на частотность данного концепта среди большого количества зооморфизмов, также отмечается, что метафорическая модель «собаки» восходит к древним мифологическим формам языкового сознания и включает основополагающие культурные маркеры бытия человека, как позитивного, так и негативного характера. «Собака» относится к типу культурно-языкового символа, демонстрирующего особенности и тенденции языкового кодирования мира в рамках того или иного культурного сообщества [5; 8; 11–13; 15]. Концепт объективирует неписанные законы людей определённого социума, распространяющиеся на разные про-

явления жизни и известные всем говорящим на данном языке. Лексема *собака* активно применяется для описания человеческих качеств и моделей поведения.

Собака является киноморфизмом («подобие собаки»), способным проецировать качества данного животного на другие существа. В концептуализированную схему *собаки* включён обширный комплекс различных устойчивых ассоциаций, сформированных за длительный период общения человека с его четвероногим другом. Лексема используется в рамках богатейшей символической парадигмы: для выражения восхищения («*ловкий, чуткий, знающий – как собака*») или оскорбления («*злой, грызётся – как собака*», «*легавый пёс*»); для характеристики физического состояния человека с коннотацией чрезмерности, невыносимости, крайней формы проявления («*устал как собака*», «*выглядеть как побитая собака*», «*замёрз как собака*»); для ценностного описания определённой ситуации («*кобениться*» – упрямиться, не соглашаться; «*вилять хвостом*» – заискивать, добиваться расположения; «*лаять, как собака*» (прост.: *ругаться, браниться, собачиться*); в ситуации неиспользования чего-то и непредоставления возможности другим – «*собака на сене*»; с семами «ненужности и бесполезности»: «*присобачить нас-пех*», «*нужна, как собаке пятая нога*», «*дело псу под хвост*», «*собачья жизнь*»; для характеристики внутреннего мира человека и его способностей («*собачья верность, преданность*», «*собачий нюх*», «*цепной пёс*»).

Результаты исследования и их обсуждение. В контенте рассматриваемых нами специализированных журналов, как правило, фигурирует охотничья собака. К сожалению, каких-либо исследований именно медийного дискурса на данную тему мы не нашли. Номинация этого животного в дискурсе охотничьих журналов имеет пространственный денотативный и коннотативный ряд. Её образ встроен в реалии языка охотника. Данный тип языка, берущий своё начало со времён княжеской, царской и помещичьей охоты, является результатом уникального пути исторического развития народов, различных приоритетов, выбираемых при осуществлении охоты и ведении охотничьего хозяйства. По мнению Е. К. Целыховой, он, как один из старейших, выразительнейших и богатейших специальных языков мира, «донёс до нас культурные охотничьи связи русского народа и является отражением его культурно-исторического своеобразия» [16].

Общие результаты анализа текстов показали, что хотя в каком-то смысле существует рубрикационная предопределённость изложения материалов о собаке и охоте, существенные характеристики гештальта *собака* проявляют себя, прежде всего, в контексте показа исключительного разнообразия взаимосвязей человека с природой в аксиологии определённой культуры. Собака обычно сопровождает охотника, она становится его острым слухом, чутким обонянием и незаменимой помощницей при ловле зверя. В пространстве охотничьих журналов неотъемлемые природные качества животного имеют как свои номинативные смыслы, так и особое метафорическое переосмысление, а также яркие концептуальные акценты, демонстрирующие особое трогательное отношение к собаке.

В философских представлениях Валерия Губина изучение человека, его происхождения (а в нашем конкретном примере сопряжённого с сосуществованием собаки – спутника человека) может раскрываться в метафизических и социальных проявлениях бытия, посредством сущностного выражения отношений – к самому себе, к обществу, культуре, природе, что даёт глубокие и основательные знания о мире¹.

В контенте журналов гештальт *собака* соткан из множественных рассказов об увлекательных событиях людей с участием их питомцев: «*Собака помогла американцам выиграть миллион долларов*» (Охота. 2013. 11 февр.); «*Британская собака гуляет в сапогах из-за аллергии на траву*» (Охота. 2013. 7 апр.); «*Моя Юхта Вторая тоже "отличилась". Многочисленные зрители набрали в ближайшем киоске пряников и побросали их медведю. А Юхта пряники любила и на глазах у судей наперегонки с медведем стала их собирать. Из-за этого они чуть не подрались*» (Виктор Степаненко. Лайки-медвежатницы // Охота и рыбалка XXI век. 2017. № 8. С. 46). Комичность подробным повествованиям придаёт частотный приём «антропоморфизм» – озвучивание мыслей собаки: «*Во время сплава собака смешила тем, что, стоя на круглом борту нашей резиновой лодки, время от времени то ли засыпала, то ли задумывалась – и сваливалась в воду! Выныривала с потрясающей мордой: Блин! Ё-моё! Что случилось?!*» (Русский охотничий журнал. 2013. № 10. Окт.). Масштабно разворачиваются ситуации и баталии, когда в качестве основных персонажей выступают

несколько животных: «*Белка останавливалась, чаще в полдерева и на виду, другой раз, совершенно не таясь, начинала ещё и сердито цокать, ругать моего Бурана*» (Анатолий Онегов. Буран // Охота и рыбалка XXI век. 2007. № 7. С. 144).

Собака становится и главным героем многочисленных проблемных материалов на разные темы социального, экономического и даже законодательного характера: «*Пермякам негде выгуливать собак*» (Охота. 2012. 14 авг.); «*О бедном эксперте замолвите слово О спорности правил испытаний гончих собак написано более чем много*» (Охота. 2013. 10 сент.) и др.

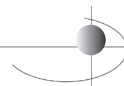
Образ *собака* встроен в живописные вербальные картинки описания природы и красоты окружающего мира, наполненного тишиной и светом, когда отчётливо «слышен гомон птиц и шум листвы», звучит музыка души и «переливается электрическими огнями тенистая поляна»: «*Гости начинают прибывать на соревнование накануне: сначала тонким ручейком, потом – целой рекой... Челбасский лес погрузится в дрему, ожидая новых встреч с гончими*» (Кубанская осень-2018 // Охотники.ру. 2018. 22 окт.).

Исследование показало, что концептуализированная схема *собака* включает ряд исключительно положительных когнитивных моделей – совокупности неких стереотипных образов, с помощью которых воспринимается и репрезентируется реальность жизни охотника.

Частотные мотивы и темы предлагаемых материалов в журналах, подкреплённые определённой лексической макроструктурой и ассоциативно-семантической сетью текстов, стали основой выделения следующих символических релевантов:

«Собака – зеркало личности охотника». Вырисовывание образа *собака* позволяет авторам выстроить рассказ о человеке, раскрыть внутренний мир самого охотника, живущего своим любимым делом вместе с четвероногим другом, а также пребывающего в его континууме. Проблемы, беды и трудности становятся общими, слияние душевных порывов человека и собаки – естественными: «*На выставках собак... я вижу убеждённых седьмой мужчин, стоявших в стороне и наблюдающих... Они пьют этот воздух, воздух их молодости, когда проходили в день километров тридцать, да не по полевым дорожкам, а по болотам, через овраги, по пашенкам с вывернутыми глыбами мёрзлого чернозёма. И всё для того момента, когда вдруг не откуда явится и замелькает заяц*» (Михаил Ко-

¹ Губин В. Д. Философия: учебник. – М.: Проспект, 2014. – С. 51.

ломыченко. Его величество пойнтер // Охота и рыбалка XXI век. 2010. № 6. С. 143).

Пространство и время человека и собаки – едины, их сближает прошлое, настоящее и будущее, молодость и старость – тоже: «*Время неумолимо: с каждым годом становимся старше и мы, и наши охотничьи собаки*» (Старая собака на охоте // Русский охотничий журнал. 2012. № 9). Пространственно-временной континуум аккумулирует накопленный опыт, общие радости и переживания охотника и его четвероногого напарника. В центре этого хронотопа находится мотив пути, движения по бескрайним природным просторам России и других стран.

Дискурс охотничьего рассказа позволяет передать кванты сознания автора-охотника в контексте экзистенциальных переживаний. В текстах активно используются олицетворение и антропоморфизм. Собака и охотник пребывают внутри одного круга событий, переживают одни и те же эмоции, согреваются одними и теми же фактами. Тоска и печаль, даже болезнь становится общей, объединяющей нитью для человека и животного: «*Буря стоял на задних лапах возле окна. Передними лапами он держался за подоконник и, стоя совсем неподвижно, смотрел и смотрел куда-то за окно... Я попросил приложить телефонную трубку ему к уху и как мог ласково назвал свою собачку по имени... Домой я вернулся только через неделю после операции и тут же узнал, что после нашего разговора с Бураном он улёгся возле телефонного аппарата и почти не покидал это место, отказываясь и от еды, и от прогулок до тех пор, пока я не пришёл домой*» (Анатолий Онегов. Буран // Охота и рыбалка XXI век. 2007. № 7. С. 148, 149).

«Собака – соратник и неизменный друг охотника». В дискурсе журналов гештальт собака разворачивается за счёт сложившихся символических признаков соответствующего концепта. Собака – неприхотливое животное, ей свойственна преданность и выносливость. Верность – ещё одно её неотъемлемое качество («Старый пес, да верно служит»). Она всегда готова преодолевать любые трудности ради своего хозяина. Способна испытывать чувство тоски по хозяину-другу, а также по месту проживания. Подобные концептуальные признаки закреплены в поговорках: Своя сторонка и собаке мила; На чужбине и собака тоскует; И собака свою сторону знает.

В медиадискурсе разные породы собак, охотники за птицами и зверями, – персонажи

не просто одушевлённые, они, как правило, номинированы в друзья, в испытанных и надёжных спутников: «*Слушайте свою собаку... Я старый легашатник... Знаю, что понукать легавыми не приходится – они готовы работать до потери сил. И если ваша собака устала, не пытайтесь заставить её*» (Русский охотничий журнал. 2012. № 11).

Нередко использование одной и той же пространственной метафоры порождает глубокую сопричастность с переживаниями героев текста, даже у тех читателей, которые никогда не были на охоте и не имели охотничьих собак: «*За несколько дней охоты собаки изрядно устали, да и наши мышцы с непривычки ощутимо давали о себе знать. Прошедшие дни охоты были довольно успешными для собак... Добыча не самое важное для нас, ведь мы сполна насладились красотами этого края*» (Александр Фомин. В погоню за вальдшнепом // Русский охотничий журнал. 2018. Март. С. 105).

В повествованиях различного характера собаки выступают спутниками, соратниками, помощниками, друзьями и лучшими членами семьи, например, «*послушными и чистоплотными, сообразительными и невороватыми*» (Охота и рыбалка XXI век. 2017. № 8. С. 46). Именно с такими друзьями, утверждают охотники, вы приобретаетесь к особой категории людей, готовых к любым испытаниям и трудностям, способных выходить из сложных, иногда экстремальных ситуаций (Там же).

В контенте журналов очень распространены рассказы о крайних, необычных, трудных ситуациях на охоте с участием собак. Страшные встречи с медведем, кабаном, носорогом или трагические случаи в болотах и топях описаны детально, с использованием художественно-публицистических средств, в атмосфере трогательной любви к другу-собаке: «*Погрузившись почти по пояс, я дотянулся до загрызка спаниельки и выволок её на свой след. Путь назад, по примятому тростнику, когда я волочил налитые водой сапоги и тащил перед собой обессилевшую собаку, запомнился холодом мокрых брюк и судорогой... Опушенная на землю, она, как слепая, поползла в костёр, не обращая внимания на подпаленную шерсть уха и усов... Вкус к жизни спаниельке вернул кусочек бутерброда, который я насильно вложил ей в пасть. Вяло пожевав, она его проглотила*» (Лоркины охоты. Происшествие на воде // Охотники.ру. 2018. 1 сент.).

Осмысление нашего опыта часто является следствием рассказа об этом опыте,

но всегда бывают выбраны лишь отдельные аспекты данного нам бытия в переживании, и в его проекции, если мы описываем, как нам видится переживания животного. В дискурсе специализированных журналов обнажены ценностные аспекты картины мира охотника. Животные – великолепное поле для проекции собственных чувств, которые способствуют пониманию себя самого и вектора своего жизненного пути через сопричастие к жизни близкого существа.

Среди понятийных признаков концепта *собака*, встроенных в моделирование соответствующего гештальта, наиболее частотно выделены смыслы: собака умная и трудолюбивая; у неё обострённое восприятие мира; она – яростный и увлечённый охотник.

Собака умная и трудолюбивая. В национальной картине мира концепт *собака* включает также семы мудрости, большого ума, опыта и зрелости. В укладе российского мировосприятия собака всегда была отнесена к особому рангу сообразительного животного, что и было подкреплено народной фразеологией и стало использоваться, в том числе, в качестве аналогии с жизнью человека: Старую собаку не волком звать; Попову собаку не батькой звать; Старый пёс не обманет; Старого пса к цепи не приучишь.

В отечественном мировосприятии собака всегда противостояла кошке, которая воплощала образ уютной, довольной, сытой и комфортной жизни: Собака крох подстольных, а кошка пролитого молока ждёт.

Подобные стереотипные представления в дискурсе охотничьих журналов проецируются на констатацию неизменной специализации каждой собаки. Большое количество материалов посвящено умениям и навыкам, а также дрессировке разных пород собак. Акцент делается не только на чистой фактологии, например, на том, что обычно легавые собаки успешно справляются с привычными объектами охоты в Центральных районах России (тетерев, вальдшнеп, куропатка и др.), при этом именно немецкие породы легавых собак проявляют разные уникальные навыки при поиске белой куропатки, даже впервые столкнувшись с ними (Сергей Шкарубо. В зимней тундре с дратхаарами // Охота и рыбалка XXI век. 2018. № 3. С. 77). В загоне лучше использовать не «настырных (вязких) крупных лаек», а «разную тихоходную, не очень злобную мелочь» (Охота. № 5. 2018).

Одновременно следует признать, что всё-таки наиболее ярко представлена ассоциативно-семантическая сеть повествования,

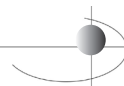
демонстрирующая трудолюбие собак-профессионалов. Полезная для владельцев информация разворачивается с использованием метафорических образов: «этиод легавых собак»; «работа пойнтера высокого стиля – высочайшее выражение элегантности, красоты и страсти»; «работа собаки сродни впечатлению от танца – быстрого, стремительного или плавного, но всегда страстного» (Охотники.ру. 2018. 26 сент.); «неукротимый зверовик – запсиб лайка Буран» (Охота и рыбалка XXI век. 2007. № 7. С. 144); «команда “Вперёд” как эффект спущенной тетивы», «оборзевшая легавая стрелой срывается с места и широченными зигзагами за минуту пролетает всю полосу изумрудной заставы» (Охотники.ру. 2018. 3 окт.).

Обострённое восприятие мира. Физиология собаки незаменима для охотника, она – его глаза, уши и нос, одушевлённый многовекторный рецептор, улавливающий различные оттенки происходящего вокруг. Один из основных понятийных признаков концепта *собака* – острое обоняние. Данная сема стала одним из ключевых компонентов конструирования образа *собаки* в контенте журналов. Её незаменимость в охоте обусловлена тем, что собака «нюхом чует» следы зверей. Метафорическая трактовка данных способностей собаки означает «предвидеть, знать сокровенное интуитивно». На охоте собака ведёт за собой, иногда её действия приоритетны. В отдельных материалах представлены истории, в которых пёс превосходит хозяина: «Собаки приспособились к новым условиям и стали успешно отрабатывать и закирывать птицу. А вот стрелки так и не смогли в достаточной степени привыкнуть к сложностям рельефа, растительности и непредсказуемым полётам самого вальдшнепа – стреляли отворачивательно» (Александр Фомин. В погоню за вальдшнепом // Русский охотничий журнал. 2018. Март. С. 104).

Собака чувствует зверя и «висит на хвосте», т. е. находится на очень близком расстоянии. Профессиональный сленг активно используется в медиатекстах, подчёркивая, в том числе, сенсорную составляющую гештальта *Собака*. В материалах часто используются известные выражения, пришедшие в литературный язык из охотничьего [16]: «след в след» (повторять действия); «запутать следы» (уйти от преследования); «лечь на хвост»; «сесть на хвост» (следовать за кем-то, догонять и настигать кого-либо).

Также распространено словосочетание «сойти со слуха». Обычно речь идёт о гончей,

которая случайно вышла за пределы слышимости, как правило, из-за слабого глухого голоса – лая собаки. Особенно в ветреную погоду охотники теряют направления движения своего четвероногого друга – «сходят со слуха» (О чутье легавых собак // Охотник.ру. 2018. 20 авг.); «*Буран спихивал с лежки зайца-беляка и, не отставая от него, в голос, взрячку гнал этого напуганного нами зверька ...Буран подавал голос редко... Всё говорило... либо он остановил лося, либо лось почему-то остановился сам*» (Буран // Охота и рыбалка XXI век. 2007. № 7. С. 144).

На страницах журналов в повествовании об особых породах собак, в советах по их воспитанию, в рассказах об искусстве охоты, в анекдотичных сюжетах о происшествиях в лесу частотнее используются устойчивые словосочетания охотничьего языка: «низовая слежка», «держат след», «вести след», «выправить след», «следовая работа», «стерянный след», «выправленный след».

Собака – яростный и увлечённый охотник. Гештальт *собака* основывается ещё на одном важном понятийном признаке. Агрессивность – черта собаки. В медиадискурсе данная черта детализируется разными лексемами-синонимами: ярость, злобность, злость, наступательность, напористость, неукротимость, сила: «*Медвежатницей в полном смысле этого слова Ханта не стала. Медведя не боялась, при неожиданных контактах агрессивно работала*» (Виктор Степаненко. Лайки-медвежатницы // Охота и рыбалка XXI век. 2017. № 8. С. 46); «*Собака хорошо выдерживала короткую травлю, при поимке же зверя её злобность, сила и тяжеловесность делали её вполне незаменимой*» (Охота. 2008. Июль). Указанное качество образует метафорическое соотношение соответствующих черт собаки и человека. В русской картине мира это нашло своё отражение в устойчивых определениях и лексемах: «злой, как собака», «лаять, как собака», «собачиться», «лаяться», а также в поговорках: Была бы собака, а камень найдётся; Не дразни собаку, так и не укусит; Дразни собаку на цепи; Свекровь на печи, что собака на цепи и др.

При нападении собака способна судорожно сжимать челюсти. В русском языке произошло расширение значения данных действий, в социуме словосочетание «вцепиться/держаться мертвой/железной хваткой» означает либо «крепко держать кого-либо», либо «способность самоотверженно, любой ценой, не отступая, добиваться чего-нибудь».

Несмотря на очевидные отрицательные коннотации признака «агрессивность», целостный образ *собака* в доминирующих информационных потоках лишён негативного подтекста. Её злобность и ярость воодушевлены делом, смелым, неукротимым, азартным влечением и большим интересом к охоте. Рассматриваемая черта собаки репрезентируется, как правило, с использованием разных художественно-публицистических средств, окрашивающих тексты положительными экспрессивно-оценочными коннотациями: «*Ден, как всегда, работал страстно, азартно. На лёгком галопе он обследовал болото. Проходя твёрдый грунт и мелководье, нёсся, как ураган, более глубокие места преодолевал высокими прыжками, очень напоминая дельфина, а преодолевая заводи, был похож на подлодку с поднятым перископом. Перед таким напором чутья и страсти не может устоять никакая утка*» (Собаки, гуси и охотники // Охота. 2010. № 10. Окт.).

Влечение и любовь к охоте – лейтмотив рассказов о жизни охотничьих собак. Из языка охотника в литературный язык перешла идиома «делать стойку», что обозначает проявление особого, в том числе любовного, интереса к чему-нибудь или кому-нибудь. Дело в том, что собака при охоте на птиц «*делает стойку*», показывая охотнику о нахождении рядом добычи: «*Красивые, железобетонные стойки прямо над птицей, которые заставляют её затаиваться, в исполнении молодой собаки были очень эффективны и эффективны. Bravo, бретон!*» (Русский охотничий журнал. 2008. Март. С. 105). Привязанность к единственному делу всей жизни собаки сближает её с хозяином, именно самоотверженная тяга к любимому занятию – цементирующее качество гештальта *собака* в журнальном контенте: «*Венгерских пойнтер... кобель очень мощный, крупный, костистый, с отличной головой, не отличался ни быстрым ходом, ни дальним чутьём, однако в поле верный и страстный*» (Охотники.ру. 2018. 28 марта).

В этой же ценностной парадигме используется словосочетание «собаку съел». Указанная идиома подчёркивает, что человек в определённом деле стал настоящим профессионалом и знатоком, обладателем большого опыта и незаменимого мастерства. Охотничий дискурс – это масштабная история, эпос, в котором конструируется образ жизни охотника, природы и собаки. Он позволяет упорядочить пережитое и становится способом выражения своих и близкого существа эмоций.

Заключение. Дискурс специализированных журналов об охоте объективирует гештальт *собака* вопреки стереотипным представлениям о том, что «большинство устойчивых выражений с ключевым словом *собака* имеют яркую отрицательную оценку» [13, с. 22]. Журнальный контент моделирует целостный образ *собаки* на основе определённых тематических модусов, обусловленных информационной политикой издания, с

активным использованием лексико-фразеологического инструментария, в том числе профессионального толка, в смысловом поле ассоциаций, сравнений и метафор, с вовлечением стереотипных образов, апеллирующих к установкам и знакам отечественной культуры положительного характера: собака с её умом и трудолюбием, обострённым восприятием мира – увлечённый охотник, соратник и друг, а также зеркало личности охотника (рис. 2).

Рис. 2. Гештальт собаки: символические и понятийные признаки

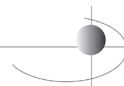
Fig. 2. Gestalt of the Dog: symbolic and conceptual characteristics

И всё-таки последнее. Слово воспроизводит и меняет реальность. Можно уверенно заключить, что в своеобразном и свободном тезаурусе современных СМИ творчество не просто обусловлено неоднозначным потенциалом языковой личности автора, оно насыщено множеством особых дискурсов, существенным образом воздействующих на реальность. В этом смысле медиадискурс об охоте не только воспроизводит устоявшиеся ценности и картину мира, но и вдохновля-

ющим образом воздействует на когниции и модели поведения потребителя. Также предполагаем, что сколько-нибудь ответственная попытка окончательно измерить и классифицировать современное многообразие медийного пространства обречено на неудачу, в смысле раскрытия духовных глубин и культурных смыслов, в том числе тех, которые можно найти в уникальных историях охоты, что доказывает даже краткий экскурс в сопровождении охотничьих собак.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в. М.: СВАРОГ и К, 1997. 541 с.
2. Берестнев Г. И. К философии слова (лингвокультурный аспект) // Вопросы языкознания. 2008. № 1. С. 37–65.
3. Бочарников В. Н., Ерофеева И. В. Медийные смыслы и идеи концепта «охота» (по материалам интервью в журналах «Основной инстинкт») // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2018. № 1. С. 5–17.

4. Булюбаш И. Д. Я тебя слышу. Феномены языка и речи в практике гештальт-терапевта. Самара: БАХРАХ-М, 2008. 272 с.
5. Ван Минци. Концепт «собака» в русской и китайской языковых картинах мира (на материалах пословиц и поговорок) // Вестник Псковского государственного университета. 2016. № 4. С. 150–155.
6. Винобер А. В. Охота – социальный феномен: историко-философские и антропологические рефлексии // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2018. № 2. С. 38–46.
7. Вознесенская М. М. Метафора охоты в русской фразеологии // Русская речь. 2014. № 5. С. 110–117.
8. Гукетлова Ф. Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира. М.: Тезаурус, 2009. 228 с.
9. Ерофеева И. В., Бочарников В. В. Охота как рефлексия человека в концептуализированной сфере дискурса специализированных журналов // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 1. С. 144–152.
10. Житарюк М. Г. Лингвосоциокультурные модели: к вопросам содержания, структуры, значения медиатекста // Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. статей. СПб.: СПбГУ, 2012. С. 24–32.
11. Ивушкина Н. В. Концепт «собака» в английском и русском языках с лингвокультурологической точки зрения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 4. С. 64–67.
12. Кудрявцева Е. В. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом собака: лингвокультурологический комментарий // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2015. № 2. С. 131–134.
13. Маругина Н. И. Концепт «собака» как элемент русской языковой картины мира // Язык и культура. 2009. № 2. С. 11–30.
14. Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры. М.: Флинта: Наука, 2016. 180 с.
15. Сансызбаева С. К. Лингвокультурный концепт «собака» в языковой картине мира // Вестник Казахского национального университета. Филологическая серия. 2015. № 1. С. 184–189.
16. Целыхова Е. К. Русский охотничий язык и охотхозяйственная терминология // Охота – национальный охотничий журнал. 2012. № 12. С. 16–21.
17. Jung C. G. *Gesammelte Werke* // Olten und Freiburg im Breisgau. 1987. Bd. VII. Pp. 445–455.
18. Panasenko N., Greguš L., Zabuzhanska I. Conflict, confrontation, and war reflected in mass media: Semantic wars, their victors and victims. *Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow*. Warsaw: De Gruyter Poland, 2018. December. Pp. 132–163.
19. *Welt in der Sprache* / hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2005.
20. Wierzbicka A. *The semantics of grammar*. Amsterdam: Philadelphia, 1988.

Статья поступила в редакцию 22.12.2018; принята к публикации 10.02.2019

Библиографическое описание статьи

Ерофеева И. В., Бочарников В. Н. Собака как гештальт в языковой картине мира охотника: дискурс специализированных журналов // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 1. С. 30–40. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-30-40.

Irina V. Erofeeva¹,

*Doctor of Philology, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: irina-jour@yandex.ru
orcid: 0000-0001-5653-2792*

Vladimir N. Bocharnikov²,

*Doctor of Biology, Professor,
Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences
(7 Radio st., Vladivostok, 690041, Russia),
e-mail: vbocharnikov@mail.ru
orcid: 0000-0002-6574-7864*

Dog as Gestalt in Hunter's Linguistic View of the World: Specialized Magazine Discourse

Hunting magazines are rarely objects of scientific research, nevertheless, this content has its numerous target group and socially important conceptual content. Linguoculturological analysis of specialized hunting magazine discourse enables us to reconstruct a cognitive model of the *Dog's* gestalt in hunter's linguistic view. The analysis was performed taking into account information policy of the periodicals using much empirical evidence (more than 600 hunting magazines from 2006 to 2018), the text blocks representing hunters' and owners' opinions about the nature and dogs are the priorities. Gestalt of the *Dog* is the key in total representation of hunters' existence objectified in

¹ I. V. Erofeeva: primary author, collection of information, analysis, writing of the article.

² V. N. Bocharnikov: collection of information, analysis, and systematization of research material.

the language and specifying perception and the world structure in this social environment. Gestalt of the *Dog* was modeled in the process of identification and understanding of the most frequently used text-forming categories: the theme and communicative tasks of the material, associative and semantic fields of the keywords, lexical text macrostructure including specific character of lexical-phraseological field, stereotypical images which help to organize hunter's knowledge and experience. First of all, hunter's linguistic worldview presents some hierarchy of values which reflects single views, ideals, inclinations and interests culturally important for its bearers. The dog's image is constructed owing to some symbolic characteristics: "a dog is a mirror of hunter's personality", "a dog as a companion and a friend", as well as some conceptual characteristics: "clever and hard-working"; "holder of sensitivity to the world"; "furious and keen hunter".

Keywords: gestalt of the *Dog*, hunter's linguistic worldview, media discourse, cognitive modeling, cognitive linguistics

References

1. Berdyaev, N. A. The Russian Idea: The Main Problems of Russian Thought XIX. and XX century. M: ZAO «SVAROG i K», 1997. (In Rus.)
2. Berestnev, G. I. To the philosophy of the word (linguocultural aspect). Questions of linguistics, no. 1, pp. 37–65, 2008. (In Rus.)
3. Bocharnikov, V. N., Erofeeva, I. V. Media Meanings and Ideas of the Concept "Hunting" (based on interviews in the magazines "Basic Instinct"). Humanitarian Aspects of Hunting and Hunting, no. 1, pp. 5–17, 2018. (In Rus.)
4. Bulyubash, I. D. I hear you. Phenomena of language and speech in the practice of a gestalt therapist. Samara: Izd. dom «BAHRAH-M», 2008. (In Rus.)
5. Wang, Minci. Concept dog in Russian and Chinese linguistic pictures of the world (based on proverbs and sayings). Bulletin of Pskov State University, no. 4, pp. 150–155, 2016. (In Rus.)
6. Vinober, A. V. Hunting – a social phenomenon: historical-philosophical and anthropological reflections. Humanitarian aspects of hunting and hunting, no. 2, pp. 38–46, 2018. (In Rus.)
7. Voznesenskaya, M. M. Metaphor of the Hunt in Russian Phraseology. Russian Speech, no. 5, pp. 110–117, 2014. (In Rus.)
8. Guketlova, F. N. The zoomorphic code of culture in the linguistic picture of the world. M: Tezaurus, 2009. (In Rus.)
9. Erofeeva, I. V., Bocharnikov, V. V. Hunting as a Reflection of a Person in the Conceptualized Discourse of Specialized Journals. Humanitarian Vector, no. 1, vol. 13, pp. 144–152, 2018. (In Rus.)
10. Zhitaryuk, M. G. Linguocultural Models: To the Issues of Content, Structure, Meanings of the Media Text // Media Text as a Polyintensive System: Coll. articles. SPb: SPbGU, 2012: 24–32. (In Rus.)
11. Ivushkina, N. V. The concept «dog» in the English and Russian languages from a linguistic and cultural point of view. Philological Sciences. Questions of theory and practice, no. 4, pp. 64–67, 2012. (In Rus.)
12. Kudryavtseva, Ye. V. Phraseological units with the zoonym dog component: linguistic and culturological commentary. Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova, no. 2, pp. 131–134, 2015. (In Rus.)
13. Marugina, N. I. The concept «dog» as an element of the Russian language picture of the world. Language and culture, no. 2, pp. 11–30, 2009. (In Rus.)
14. Maslova, V. A., Pimenova, M. V. Codes of linguoculture. M: Flinta, Nauka, 2016. (In Rus.)
15. Sansyzbaeva, S. K. Linguocultural concept «dog» in the linguistic picture of the world. Vestnik KazNU. Philological series, no. 1, pp. 184–189, 2015. (In Rus.)
16. Tselikhova, E. K. Russian hunting language and hunting terminology. National Hunting Journal «Hunting», no. 12, pp. 16–21, 2012. (In Rus.)
17. Jung, C. G. Gesammelte Werke. Olten und Freiburg im Breisgau. 1987. Bd. VII: 445–455. (In Deutsch)
18. Panasenko, N., Greguš, L., Zabuzhanska, I. Conflict, confrontation, and war reflected in mass media: Semantic wars, their victors and victims // Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow. Warsaw: De Gruyter Poland. 2018. III (2). December: 132–163. (In Engl.)
19. Welt in der Sprache / Hrsg. von Pimenov, E. A., Pimenova, M. V. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2005. (In Deutsch)
20. Wierzbicka, A. The semantics of grammar. Amsterdam: Philadelphia, 1988. (In Engl.)

Received: December 22, 2018; accepted for publication February 10, 2019

Reference to the article

Erofeeva I. V., Bocharnikov V. N. *Dog* as Gestalt in Hunter's Linguistic View of the World: Specialized Magazine Discourse // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 1. PP. 30–40. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-1-30-40.